

Синглер
Хаси

НеВерный
МУЖ МОЕЙ
Подручи

Ашира Хаан

Неверный муж моей подруги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69170833

SelfPub; 2023

Аннотация

– Он мне изменяет, – говорит она спокойно и так между делом, что я не сразу осознаю смысл слов. Так и хочется спросить – ты не ошиблась, Поль? Гер ведь не мог... Но я точно знаю, что мог. – Знаешь, кто она? – спрашиваю я с замирающим сердцем. – Нет, видела только профиль ВКонтакте, но он закрытый. На аватарке котенок, имя выдуманное. Я все перерыла, но больше никаких зацепок. И я осторожно выдыхаю. С облегчением. И виной. Потому что та, с кем он ей изменяет – я.

Содержание

Пролог	5
Сейчас. Ну здравствуй, Лана	9
Сейчас. Я знала, что так будет	15
Давно. А Герман – это настоящее имя?	20
Давно. Слушай, а давай наоборот?	25
Сейчас. Я не сплю с женатыми	32
Давно. Да хоть на всю жизнь	39
Давно. Я не хотела этого!	44
Давно. Хочу за него замуж	51
Давно. Я тебя недостойна	55
Давно. О чем ты мечтаешь?	60
Сейчас. Мы не должны	66
Тогда. И что ты предлагаешь?	71
Тогда. Осторожнее	76
Сейчас. Поставить точку	81
Тогда. А чего кольцо не носит?	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Ашира Хаан
Неверный муж
моей подруги

Пролог

– Он мне изменил, – сказала она спокойно и так между делом, что я не сразу осознала смысл слов.

Только что она шурилась на блики солнца на воде, всплескивала руками, следя за дочерью-разбойницей, которая отнимала у какого-то несчастного мальчишки надувной круг, обмахивалась ладонью, жалуясь на жару.

Вздыхала:

– Даже вечером никакой прохлады! Духота!

И так же деловито, глядя в сторону, продолжила:

– Они вместе работают. Не знаю, подчиненная или клиентка, но в командировке были вместе. Никогда не думала, что такое случится со мной.

Я все еще тормозила с реакцией.

Невозможно среди всей этой суеты с поиском в недрах сумки темных очков и бутылки воды, с болтовней о работе и кулинарных рецептах сразу уловить страшный смысл, спрятанный за ее спокойным тоном.

Полина – одна из моих немногочисленных подруг. Я не

люблю окружать себя толпой людей, лишь бы было шумно. Каждый человек в моем кругу – тщательно отобран, проверен временем и обычно – редкий бриллиант.

Полина очень умная и тонко чувствующая, но закрытая, даже строгая.

Рожденная в семье университетских преподавателей – ее дед в советские времена даже был ректором одного из институтов. Потомственная интеллигенция, коренные москвичи.

Рядом с ней я всегда ощущала себя немного неуклюжей, не очень умной и слишком громкой. Она была настоящей ледяной королевой. Из тех женщин, первое чувство при виде которых – восхищение. Я гордилась тем, что она тоже выбрала меня в друзья.

Наверное, она иначе и не могла рассказывать о самых страшных ударах судьбы – только вот так, почти без эмоций. Держа лицо.

А ведь у них с мужем была такая красивая история! Каждый, кто видел ее рядом с высоким импозантным Германом, которому безумно шли строгие костюмы и дорогие часы, сразу признавал, что они идеальная пара. Оба умные, красивые, статные – и будто немного не из нашего века, настолько подчеркнуто уважительно обращаются друг к другу.

Но безумия любви это не отменяло. В начале их истории были цветы охапками, бесконечные беседы о книгах, спектаклях, музыке, обожание, восхищение, предложение через неделю, свадьба в Грибоедовском загсе и, как высшая степень их любви – рождение красавицы-дочки с золотыми локонами и голубыми глазами, подарочной девочки-вундеркинда.

И после этого всего – измена?

Невозможно.

Истерики, чтение переписок, контроль, вранье – вся эта бытовая грязь?

Нет, вообще не про них.

Потому так дико было слышать рассказ Полины здесь, у лесного пруда, куда мы выбрались жарким московским летом выгулять детей у воды.

Дико – вот то самое слово.

Подобная пошлость просто не могла случиться в их идеальной семье, где оба даже спустя десять лет брака обожали друг друга.

Так и хочется спросить – ты не ошиблась, Польша?

Гер ведь не мог...

Но я точно знаю, что мог.

– Знаешь, кто она? – спрашиваю я с замирающим сердцем.

– Нет, видела только профиль ВКонтакте, но он закрытый. На аватарке котенок, имя выдуманное. Я все перерыла, но больше никаких зацепок.

И я осторожно выдыхаю.

С облегчением. И виной.

Потому что та, с кем он ей изменяет – я.

Сейчас. Ну здравствуй, Лана

Я не знаю, что говорить.

Я бы не знала, что говорить, даже если бы это было не про меня.

Я просто слушаю Полину, пока она рассказывает, как проснулась ночью от сообщения на телефоне Германа. Он, как обычно, работал допоздна в своем кабинете.

В темноте спальни экран обжег глаза светом, она потянулась за телефоном, чтобы выключить его – и увидела всего одну фразу. Совершенно невинную фразу, но она перевернула все внутри нее.

Она поняла сразу.

Вот просто сразу, всем сердцем.

Я молчу, пока она говорит. Молчу, обдираю травинку губами, и горький сок растекается по языку. Внутри сосущая пустота, тоннель, ведущий в черноту космоса, в котором воет ветер.

Вина. Стыд. Страх.

Облегчение.

Легкие жжет, будто я бежала изо всех сил, а теперь все – дистанция кончилась, и я сижу на траве, дышу сквозь боль

и чувствую дрожь во всем теле.

Она узнала.

И еще внутри ощущение беды. Которая уже случилась.

Кончился наш медовый месяц.

Наш бедовый месяц.

Полгода прятков, сопротивления чувствам, стертых номеров, стертых слизистых, срывов, когда мы не выдерживали и, наплевав на все клятвы, снова неслись навстречу друг другу.

Ожидания.

Ожидания беды.

Телефон звякает уведомлением. Я поспешно подхватываю его – на экране реклама, но я все равно открываю мессенджер и пишу Герману:

«Встретимся в офисе?»

Никакой конкретики, ничего личного.

Привычка.

Ни мой, ни его телефон не мониторят... не мониторили до сих пор.

Но мы привыкли общаться максимально нейтрально, просто на всякий случай. Никаких «спасибо за прекрасную ночь», никаких «а твоя жена не догадывается, хахаха, как и мой муж», ни в коем случае. Под запретом даже «доброе утро».

Не помогло.

«Извини, сегодня никак, дома что-то случилось, Полина просила приехать пораньше».

Я хмурюсь.

– Что там? – спрашивает она.

– Да у мамы опять какие-то опять проблемы, просит заехать, – привычно вру я.

– Давай я твоих мальчишек домой закину, – предлагает Полина. – Я все равно уже собиралась сворачиваться. Хочу поговорить сегодня с Германом. Как думаешь, я заслужила правду?

– Конечно, – киваю я, и внутри взывает что-то страшное. Наверное, совесть. – Да, спасибо, закинь. Муж уже дома, он встретит.

«Вот об этом я и хотела поговорить», – пишу по дороге к стоянке.

Утрамбовываю Макара и Никиту на заднее сиденье вместе с их надувными кругами, подстилками и зонтиком от солнца, киваю Полининой дочке, разворачиваюсь и иду к дороге, сжимая в руке вибрирующий телефон.

– Что случилось? – спрашивает Герман, не тратя времени на приветствия.

Я машу подъезжающему такси и сажусь в салон, отряхи-

вая песок с босоножек.

– Она все узнала.

В трубке молчание.

В молчании – пустота.

Мне кажется, там, на другом конце натянутой между нами нити из телефонных волн и ожидания, распаивается та самая черная дыра и в ней начинает гудеть вакуум космоса.

Таксист ловит мой взгляд в зеркале заднего вида и тут же отводит глаза.

– Гер...

– Насколько – все?

Голос напряжен и холоден.

Я зажмуриваю глаза, внутри все сжимается от чувства вины.

Потому что я – виновата.

Виновата только я.

– Что у тебя есть любовница.

– И что это ты?

– Нет, про меня не знает.

– Хорошо, приезжай в офис.

Таксист снова бросает на меня быстрый взгляд. Он сле-

лал музыку потише, не пытается ни с кем переписываться, не рассматривает со скуки окружающие машины на светофоре. Все его внимание – на наш разговор. Кажется, у него даже уши слегка развернулись назад.

За окном машины несется летний вечер. Бесконечно долгий оранжевый закат, отражающийся в голубоватых окнах небоскребов. Зажигаются вывески баров, за высокими окнами ресторанов расставляют тарелки официанты в белых рубашках. Город готовится к пятничному вечеру. Загулу, отрыву, празднику конца недели.

Но в офисном центре – пусто. Большая часть окон не горит, закрыты магазинчики и кафе на первом этаже, шаги эхом отдаются в безлюдных коридорах, и лязг лифта, который не слышно днем, разносится на весь этаж, как в фильме ужасов.

Герман встречает меня в дверях своего кабинета. Яркий свет за его спиной очерчивает только темный силуэт высокого статного мужчины в костюме, стоящего, сложив руки на груди.

Я не вижу его глаз, но иду навстречу, потому что больше идти мне некуда.

Не знаю, чем закончится наш разговор.

Не знаю, чем закончится их с Полиной разговор.

Но больше ничего не будет как прежде – это я знаю точно.

– Ну здравствуй, Лана, – говорит Герман.

Я хочу его поцеловать, но он отстраняется и отходит в сторону, пропуская меня в кабинет.

Сейчас. Я знала, что так будет

За окнами офиса сгущается вечерний полумрак, чуть подсвеченный инфернальными отблесками заката в окнах соседнего небоскреба. А здесь горит всего одна настольная лампа, и тени от нее искажают лицо Германа. Я смотрю на него и никак не могу понять, что оно выражает.

Боль? Равнодушие? Злость? Отвращение? Страх?

Все то смятение чувств, что сейчас бушует внутри меня, я приписываю ему. И в зависимости от того, волна с каким именем накатывает – то и вижу.

Герман стоит передо мной – холодный и строгий, очень чужой. Как в те дни, когда все только начиналось, и я не знала, о чем с ним говорить, задавая неловкие вопросы и получая в ответ равнодушные взгляды.

Я подхожу к нему близко-близко, поднимаюсь на цыпочки, втягиваю носом знакомый запах – и пропадаю.

Говорят, любовь можно отличить от простого интереса, сексуального влечения, дружбы, всего остального, что не она, всего по одному признаку. Если ты нюхаешь вот это местечко на виске, и оно пахнет для тебя домом – это любовь.

Герман упакован в деловой костюм с голубоватым отливом, его офис весь – холод, сталь и белый свет ламп, его рубашка застегнута на все пуговицы, его серый галстук выглядит так безупречно, словно отлит из серебра, но когда я чувствую этот запах у его виска – терпкий и теплый, я словно из заснеженного полярного ада попадаю в натопленную избушку. Меня там ждут – горит живой огонь в печи, пахнет едой и чаем на травах, а на единственной кровати ворох теплых меховых одеял.

Мы с Германом смотрим друг на друга, и в его темных, почти черных глазах я вижу то, чего мне сейчас не хватает – тепло. Любовь. Он словно прячет себя настоящего за этим обликом безупречного бизнесмена. Но оттуда, изнутри его ледяного скафандра, выглядывает он настоящий. Надо только поглубже заглянуть ему в глаза. Однажды я так и сделала.

Нам надо так много сказать.

Мне – ему.

Ему – мне.

Тревога в груди бьется в такт сердцу, в тени которого она пряталась столько месяцев.

Но этот день должен был настать.

– Я знала, что так будет, – говорю тихо, обращаясь к это-

му живому Герману внутри строгого бизнесмена, стараясь не думать о том, что он пока меня даже не обнял. — Я ждала этого момента. Все время ждала.

— Тиш-ш-ше... — говорит он, и я понимаю, что мои горячие слезы все-таки прорвались через все заслоны и текут по лицу. Стискиваю веки, закрываю глаза ладонями. Судорожно вдыхаю, чтобы не разрыдаться.

Мне сейчас даже некого винить.

Кроме себя.

Герман осторожно отнимает мои руки от лица, берет их в свои и склоняется, целуя пальцы.

По одному поцелую на костяшку и последний — в ладонь.

За окнами разворачивается во всю ночную ширь душное московское лето, плавит асфальт жара, не выпускающая город из своих объятий даже после захода солнца. А здесь, в кабинете Германа, на полную мощность включен ледяной кондиционер — как он любит. Чтобы сотрудники ходили с длинным рукавом, а сотрудницы в колготках.

Но я-то в летнем платье, и по моей голой коже разбегаются мурашки от холода. Хочется прижаться к единственному живому существу в этом офисе.

Согреться.

– Скажешь, что все будет хорошо? – то ли прошу, то ли спрашиваю.

– Не скажу. Я тебе никогда не вру.

Мы так и стоим посреди его кабинета, словно считаем себя недостойными даже присесть на диван, который за последние несколько месяцев видел столько всего, что хватило бы на целую коллекцию фильмов для взрослых.

И кресло видело. И стол.

И даже этот дорогой дизайнерский ковер на полу, имитирующий густую траву. Однажды на него даже капала с ладоней кровь – то был один из самых счастливых дней в моей жизни.

Мне кажется, что моя жизнь и началась-то только тогда, в те снежные дни, когда я даже не замечала, что на улице минус десять, потому что моя кожа постоянно пылала от мыслей о нем.

Мы так и стоим. Дыхание Германа, его сухие губы касаются моего запястья с татуировкой – затейливая вязь складывается в одно слово: «Nevermore».

Больше никогда.

То, что сказал он мне полгода назад зимним вечером в этом кабинете.

И ошибся.

Он думает о том же самом, потому что его пальцы продолжают ласкать это место, даже после того, как покинули губы.

Нам надо о многом поговорить.

О том, что знает и не знает Полина.

О том, что он скажет ей сегодня вечером.

О том, что нам делать дальше.

И делать ли.

Или судьба дала нам отчетливый и недвусмысленный знак?

Знак «стоп».

Но почему-то не получается говорить.

Получается только стоять здесь в полутьме, едва касаясь друг друга и читая мысли.

Потому что я снова озвучиваю то, что думает и он:

– Могло ли выйти как-то иначе?

– Ты ведь сама меня ей подарила.

Это правда.

Больше десяти лет назад я подарила Полине мужа.

Давно. А Герман – это настоящее имя?

Все началось больше десяти лет назад одной очень теплой весной. Помню – уже в апреле полностью растаял снег, и можно было бегать по сухому асфальту в босоножках с тоненькими ремешками и не надевать куртку.

Я тогда работала журналисткой – писала на фрилансе статьи сразу в несколько газет и журналов, носила короткие клетчатые юбки, белые рубашки, расстегнутые до самого неприличия и разноцветные косички в коротких блондинистых волосах.

Жизнь для меня была непрерывным флиртом со всем миром сразу.

И мир отвечал мне взаимностью.

Автобусы подходили вовремя, дождь кончался, когда я выходила на улицу, новые сорта мороженого всегда были вкусными.

Меня обожали как престарелые ловеласы, заведующие молодежными отделами в газетах тех времен, так и бизнесумен новой эры, твердой рукой выводившие на большую

воду могучие лайнеры холдингов глянцевой прессы. И те, и другие охотно заказывали у меня статьи и делились приглашениями на лучшие мероприятия.

Я носилась с утра до вечера по пресс-конференциям, интервью и презентациям, успевая перекусывать только подаваемыми там таралетками с икрой и дорогим шампанским.

Это было лучшее время моей жизни, и я была уверена, что так будет всегда. Впрочем, в двадцать три года всегда немножко переоцениваешь свою удачу.

С Германом мы познакомились в «Фейсбуке», и поначалу я даже не запомнила его имени, только черно-белую аватарку, в которую особенно не вглядывалась. Ее владелец пару раз пересекся со мной в сообществах о кино, потом мы поспорили о том, можно ли считать постановки «Сатирикона» настоящим театром, а потом он куда-то надолго пропал, и я о нем забыла.

Как-то раз я снова нещадно флудила в том же сообществе, жалуясь на то, что сегодня пятница, а у меня никаких планов на вечер. Всю неделю мечтала тупо выспаться, а когда получила такую возможность – чувствую себя одинокой. Все сочувствовали, но приглашать никуда не рвались. От этого было еще обиднее.

И вдруг в личку прилетело:

«У меня есть два билета на премьеру в Ленком сегодня вечером и нет спутницы. Не возражаете, если я приглашу составить компанию?»

«Приличные девушки в театр на первом свидании не ходят!» – привычно начала вертеть хвостом я.

«Тогда предлагаю первое свидание устроить на пару часов раньше. Выпить кофе, посмотреть друг на друга, а потом я повторю приглашение».

Времена, когда в театр надевали все лучшее сразу, давно прошли, поэтому я не стала заморачиваться и пришла в обычном летнем платье. Зато мой сетевой знакомый, ожидавший меня под памятником Пушкину с букетиком незабудок в руках, был в строгом деловом костюме, чем смутил меня чрезвычайно. Надо было, наверное, туфли надеть вместо белых кед...

– Здравствуйте, Светлана. Я Герман.

– Лучше Лана, – предложила я. – А Герман – это настоящее имя?

Почему-то я была уверена, что это выдуманный ник. Кто-то называет так детей в наше время?

– Вполне, – сухо ответил он.

И вот эта возникшая с самого начала неловкость не проходила все время нашего общения.

Мы сидели в маленькой кофейне на бульваре, я задумчиво мешала ложечкой несладкий капучино, изо всех сил избегая смотреть Герману в глаза и пыталась вспомнить, куда делась моя легкость и общительность.

Я попробовала начать с начала:

– А кем ты работаешь? Ой, ты ведь не против перейти на ты?

– Конечно, нет. Если у нас свидание, это было бы уместно.

– А ты не хотел, чтобы это было свидание? – до меня дошло, что я сама форсировала события. – Ой, извини! Я не подумала, что это просто приглашение!

– Я очень рад, что это свидание, – голос немного смягчился. – А работаю я банкиром.

– О, а в каком банке? Открою там счет и у меня будет личный менеджер!

Герман вежливо улыбнулся, но эта улыбка не коснулась глаз, и я почувствовала себя еще более скованно.

– Это маленький банк, который занимается инвестиция-

ми в малый бизнес и не работает с физическими лицами.

– Звучит скучновато, – вздохнула я.

– Что ж, здесь мы с тобой не сойдемся, Лана. Мне кажется, это очень интересно.

Я уже жалела, что согласилась на это свидание. Но по дороге я успела погуглить и обнаружила, что это самая звездная премьера сезона. Билеты на нее были раскуплены в первые полчаса. Грех пропускать такое событие только потому, что кавалер мне кажется скучноватым.

– Ну что, мы идем на второе свидание – в театр? Я уже достаточно благонадежен для тебя? – спросил Герман, глядя на часы и вставая из-за стола.

Мне показалось, он был бы рад, если бы я передумала, но...

– Идем, конечно!

Давно. Слушай, а давай наоборот?

В холле театра столпилось столько народу, что Герману пришлось взять меня за руку, чтобы не потеряться. Ладонь у него была сухая и прохладная, держал он меня крепко – и ловко лавировал между людьми. Только я на всех натыкалась, но он вовремя меня спасал.

– Лана! И ты тут? – вдруг удивленно заявило очередное препятствие, и я затормозила.

– Полина! С ума сойти! – я ужасно ей обрадовалась.

С Полиной мы были знакомы уже пару лет – работали как-то в молодежной газете, деля одну ставку на двоих.

Она была старше, опыта у нее было больше, поэтому она быстро ушла в какой-то женский журнал начальником отдела – и общаться мы стали еще больше, потому что теперь еще и она подкидывала мне работу.

С самого начала я немножко робела рядом с ней, признавая ее ум, красоту и эрудицию. Но надеялась, что лет через

пять наберусь от нее манер и лоска и стану такой же стильной изысканной дамой, как она в свои почти тридцать.

Я церемонно, как сумела, представила ее Герману, он пожал ее ладонь с легкой прохладцей.

– Ты одна? – поинтересовалась я.

– Представляешь – да, – проходя мимо зеркала, она машинально заглянула в него, поправила прическу и смущенно мне улыбнулась. – Так хотелось на этот спектакль, что я сделала себе подарок на день рождения.

– Поздравляю! А «Фейсбук», зараза, не сказал, что у тебя сегодня, – посетовала я.

– Да ерунда, Лан.

Она остановилась, чтобы купить программку. Герман вежливо, но неуклонно отвел ее руку с кошельком и купил ей тоже. Предложил и мне, но я с недоумением пожала плечами – зачем?

– Я их коллекционирую, – сказала Полина. – Всегда можно вспомнить, в каком году какой состав был, сравнить. Сначала вкладывала в дневник, где записывала впечатления, а теперь веду блог о театре.

– Да? Как интересно, – Герман пропустил меня вперед, а сам замешкался. – Можно ссылку?

Пока мы ждали звонка, они успели обсудить заявленный состав, поделиться впечатлениями о других спектаклях Ленкома, да и МХАТа. Они сыпали именами, которые мне ни о чем не говорили, перекидывались фразами, которые имели смысл только для посвященных и явно не испытывали той деревянной неловкости, что была у меня с Германом.

В антракте Герман взял на всех бутылку шампанского и бутерброды с осетриной и, устроившись у столика, мы продолжили разговор. Точнее – они продолжили. А я методично надиралась шампанским, отчаянно скучая. Время от времени Герман обращался и ко мне, задавая какие-то вопросы, на которые я даже могла ответить что-то внятное. Истинный джентльмен.

Правда, весь второй акт он оборачивался назад, где сидела Полина и обменивался с ней улыбками. И чуть не забыл, что я сидела рядом, когда после спектакля рванул к ней. Но быстро опомнился.

– Ну что, Полина, не жалеете, что проводите свой день рождения в обществе лучших актеров современности? Ну и нашем, разумеется, – с ней Герман на ты не переходил, но почему-то эта церемонность звучала теплее, чем наши с ним разговоры.

– О, это лучший день рождения за последние пять лет, –

откликнулась Полина. – И во многом благодаря вам.

– Может быть, пройдемся еще по бульварам? Время детское, а погода просто замечательная, – предложил он, глядя куда-то между мной и Полиной.

Полина подняла брови, посмотрела на меня, на Германа, снова на меня и...

– Извините, мне нужно в уборную, – сбежала, чтобы не разбираться.

– Мне тоже, – хмыкнула я и последовала за ней.

В туалете состоялась классическая беседа двух подружек, претендующих на одного мужчину. Точнее – НЕ претендующих, потому что мы всячески расшаркивались друг перед другом, переуступая Германа.

– Не волнуйся, я сейчас вызову такси и уеду, – уверила мне Полина. – Не хотела портить тебе свидание, но что-то мы увлеклись. Давно ни с кем не было так интересно обсуждать театр. Повезло тебе.

Во мне было слишком много шампанского. Наверняка.

Ну, еще сыграло роль то, что меня не тянуло гулять в их компании, чувствуя себя пятым колесом в телеге, да еще и необразованным колесом.

Равно как и гулять с Германом, неловко обмениваясь

скучными фактами биографии.

Поэтому я предложила:

– Слушай, а давай наоборот? Я сбегу, а ты пойдешь с ним гулять.

– Ну что ты! – замахала руками Полина. – У вас же свидание! Да он на такое и не согласится.

– А я спрашивать не буду, – отмахнулась я. – Пойдем гулять вдвоем, а потом я помашу ручкой и слиняю в метро.

– Я не могу, Лан. Это же твой мужчина.

– Можешь, Полина. Он тебе нравится.

– И что?

– А то, что у тебя сегодня день рождения. Считаю, я его тебе дарю!

Я засмеялась, а Полина посмотрела на меня с таким возмущенным видом, что я окончательно уверилась в своем решении.

Все получилось ровно так, как я планировала. Стоило нам выбраться на бульвар, как они снова начали трещать о чем-то своем. Я уже даже не вслушивалась – просто ждала, когда мы дойдем до поворота на Петровку. Не пришлось даже разыгрывать неумелую сценку. Я просто посмотрела на телефон, сказала:

– Ой, у меня срочные дела. Простите, ребята!

Чмокнула в щечку оторопевшего Германа, который попытался поймать мою ладонь, но я ловко увернулась.

Обняла Полину, шепнула ей: «С днем рождения!» – и почти бегом пересекла дорогу, по которой тут же поехали машины.

Впрочем, я была уверена, что догонять меня никто не будет.

На следующий день Полина позвонила мне, чтобы повиниться – театральный вечер закончился весьма страстными поцелуями у ее дома.

– Прости, я чувствую себя так странно... У вас же было свидание, а я так себя повела!

– Глупости, Поль, – отмахнулась я. – Он мне все равно не понравился. И я его тебе уже подарила. Подарки не отбирают.

Она хмыкнула, помолчала и тихо произнесла:

– Знаешь, он сказал, что я по всем параметрам для него идеальная жена.

– Ого! Ого! Ого! – я запрыгала с телефоном по кухне. – Я настоящая сваха! Дарю мужей – дорого, надежно! Чур, я буду твоей свидетельницей на свадьбе!

– Да ну, брось, какая свадьба... – смущенно ответила она, но в голосе мне слышались мечтательные нотки.

Свадьба была через месяц.

Сейчас. Я не сплю с женатыми

Я хорошо помню то свидание. На первый взгляд тогдашний и нынешний Герман почти не отличаются – лишь время слегка забелило виски сединой и жестче стал прищур черных глаз.

Но для меня это разные люди.

– Когда я тебя впервые увидела, то подумала – какой шикарный! Вообще не похож на тех задротов, что обычно пишут мне в фейсбуке и зовут на свиданки формата «посидеть в машине».

– То есть, приглашение в театр тебя на эту мысль не навело? Только внешний вид?

В низком голосе Германа так глубоко скрыта ирония, что я не сразу научилась ее там находить. И только теперь вижу, что он почти всегда такой – ничего серьезного, и у всего двойное дно.

– Твой внешний вид затмевал все остальное. Я все время боялась ляпнуть что-то не так и постоянно ляпала.

– Когда я увидел тебя впервые, я подумал – слишком громкая девица. И развязная. По беседам в «Фейсбуке» ты

казалась другой.

– Но после кафе ты все равно позвал меня в театр.

– Конечно. Кем бы я был, если бы сказал: «До свидания, вы мне не подходите».

– Полина тебе понравилась больше.

Мне не было обидно...

Почти.

Только чуть-чуть досады – ведь хотелось, чтобы в меня влюблялись все, все, все мужчины.

– Да. С ней было намного легче. С тобой вечно были какие-то неловкость и напряжение. Поэтому я не любил стесняться с тобой, когда вы с Полиной встречались.

– Я была той самой подружкой, которую не любит муж, потому что она плохо влияет на жену?

– Почти. Ты никак не влияла. Полина очень сильный человек. Но без твоего присутствия было спокойнее. Ты меня раздражала.

Я едва заметно усмехаюсь. В полутьме Герман может и не видит выражение моего лица, но все же что-то улавливает. Проводит ладонями по голым плечам, склоняется, касаясь губами гладкой кожи. Его горячие губы обжигают, а его аромат – розмарина, мшистых камней на берегу северного моря и горьких воспоминаний – окутывает туманом, заставляя

дрожать.

Но не от холода, царящего в этом темном кабинете.

От странного, уникального чувства, для которого в русском языке даже слова-то нет. Это смесь восхищения со страхом и удивлением – как такой потрясающий, чужой до чуждости, ослепительный человек согласен быть со мной? Радоваться моему присутствию. Прикасаться ко мне.

Любить меня.

Однажды бывший мой одноклассник после шатаний по университетам, где он менял химический факультет на физмат, а его – на аграрный институт, осевший наконец в семинарии, объяснял мне фразу из Библии: «Жена да убоится мужа своего».

– Это не про то, что он должен пугать жену, а она не поднимать на него глаз, чтобы не разозлить. Ты что! Это же полностью противоречит тому, что написано в той же фразе чуть раньше – что муж должен любить жену, как самого себя. Нет, здесь глагол «убоится» идет от греческого «phobitai», имеющего несколько оттенков смысла. Имеется в виду так называемый «священный ужас», благоговение. Это ближе к восторгу и восхищению, чем страху.

– Но ведь толкуют чаще всего...

– А ты не смотри, как другие толкуют. Им за себя самим отвечать. А тебе – за себя.

Вот что-то подобное я испытываю в присутствии Германа. Благоговение.

И безмерное удивление, когда он соглашается снизойти до меня.

Но это лишь в первые секунды, когда он первый раз после разлуки прикасается губами ко мне. Поднимает голову, глядя с таким же удивленным восхищением, что я чувствую в себе, и я понимаю, что мои чувства отражаются в нем.

А потом первую дрожь смывает прибой более сильных чувств, и мы оба проваливаемся в пустоту, в глубокий транс, в другой мир.

Но сейчас падение прерывается негромким жужжанием.

Лежащий на столе телефон Германа, как всегда, поставленный на беззвучный режим, вибрирует, и на экране загорается вызов от контакта «Жена».

Мы замираем и смотрим на него. Корпус телефона бьется о твердое дерево стола, он проползает несколько миллиметров и наконец затихает. Но уже через несколько секунд начинает вибрировать снова.

Я помню, как это случилось в первый раз. Звонок Полины в тот момент, когда мы были вместе.

Мы остановились в безликом чистеньком отеле, который Герман снял на время командировки. Телефон лежал на тум-

бочке экраном вниз и так же едва слышно вибрировал, и Герман, застегивая запонки на манжетах своей белой рубашки, попросил меня:

– Глянь, кто там?

Я перекатилась по кровати, где нежилась после горячего душа, подняла телефон и... замерла.

Мир стал вязким и густым как гудрон.

Я прижала руку к горлу и выдавила из себя:

– Жена. – Это слово растягивалось, как жевательная резинка, липло к зубам и никак не кончалось, звеня последним звуком где-то под потолком безликого номера.

Уши заложило, как в набирающем высоту самолете, и я сглотнула, чтобы услышать:

– Дай сюда.

– Кто же так именует в телефоне любимую женщину? – попыталась пошутить я, протягивая ему телефон. – Как в паспортном столе.

Воздуха не хватало, и я делала вдох после каждого слова. Герман посмотрел на экран, а потом нажал кнопку отбоя.

Меня вдруг сорвало – я вскочила и начала судорожно одеваться.

Бюстгальтер, чулки, юбка, блузка, туфли, черт, куда мы

трусики дели...

Нашла висящими на настольной лампе, засунула в сумку. Зачем-то достала оттуда помаду и принялась тщательно красить губы, словно важнее этого ничего на свете не было.

– Что ты делаешь? – удивленно спросил Герман. – Ты куда?

– Я не сплю с женатыми, – ответила я, закрывая помаду и несколько раз не попадая в нее колпачком.

– А я не изменяю. – Он отвернулся и потянулся за галстуком, валяющимся под кроватью. – Но мы оба здесь.

Больше с тех пор мы не обсуждали звонки Полины.

Только замирали и молчали, словно поставленные на паузу, пока телефон не прекращал звонить.

– Как же ты согласился, чтобы я была свидетельницей на свадьбе? – продолжаю с того места, где нас прервал звонок.

Герман делает шаг назад, к столу, присаживается на край и тянет меня к себе, утверждая между своих ног.

– На свадьбе, – говорит он, медленно окидывая меня темным взглядом, начиная с ровного края челки, заканчивая маленькой золотой подвеской в ложбинке груди – и возвращаясь обратно к шее. – На свадьбе ты бесила меня так, что я

хотел тебя придушить.

Его ладонь ложится на мое незащищенное горло, и я откидываю голову, отдавая ему всю власть над собой. Герман чуть сжимает пальцы, его лицо искажается от ярости...

А потом он рывком роняет меня на себя и жадно целует, компенсируя недостаток кислорода воздухом из собственных легких.

Давно. Да хоть на всю жизнь

Свадьба Германа и Полины была самой красивой из тех, что я видела за всю свою жизнь.

Одно время я пробовала себя в жанре светской журналистики.

Оказалось – вообще не мое. Не испытывала я достаточно пиетета к знаменитостям, не пищала при взгляде на кумиров и регулярно забывала брать у них автографы.

Но какое-то время я потратила на светские рауты и была приглашена на несколько «звездных» свадеб.

Я была на свадьбе в настоящем замке, на круизном лайнере, на необитаемом острове.

Платья невестам шили стилисты с мировыми именами, гостями были все мало-мальски известные личности, угощения готовили повара с мишленовскими звездами.

Один раз молодоженов даже лично поздравлял президент.

Все эти свадьбы были дорогими, скандальными, роскошными, безвкусными, грандиозными – какими угодно, но не красивыми.

Что такое красивая свадьба, я поняла, побывав у Германа с Полиной.

У нее не было платья, расшитого стразами Сваровски, заказанного за три года на церемонии – только узкое шелковое, цвета топленого молока.

Не было лучшего стилиста Москвы – но светлые волосы, уложенные в стиле «ревущих двадцатых» выглядели так, что породили новую моду в определенных кругах.

Не было золоченой кареты и белых лошадей – зато старинный лимузин заменил их с лихвой.

Не было ни острова, ни замка, ни лайнера – только Грибодовский загс и банкетный зал, украшенный белыми и темно-красными орхидеями.

И жених – в костюме того же цвета топленого молока, высокий темноглазый брюнет, элегантный до искр из глаз. Хотелось прикрыть глаза рукой – так они оба сияли, танцуя вальс на сверкающем старинном паркете и глядя только друг на друга.

В этот момент я единственный раз за весь день присела и сразу скинула узкие туфли. На правах свидетельницы я носилась с раннего утра, контролируя, чтобы успели парикмахер и визажист, вовремя привезли цветы, правильно расставили таблички на столах, играли ту самую музыку в нужные

моменты, никто из водителей-официантов-музыкантов-фотографов не ушел в запой, не сбился, не запутался, чтобы гости не потерялись, шампанское не нагрелось, мороженое не растаяло, а жульен не остыл.

И вот в тот момент, когда зазвучал вальс, я сочла свою миссию идеальной свидетельницы и хорошей подруги выполненной, от души плеснула себе мартины, уронила в него лимонную стружку и любовалась танцем Полины и Германа. Их любовь чувствовалась в каждом сдержанном жесте, в каждом взгляде из-под ресниц.

Тогда я, в свои двадцать четыре, в первый раз подумала, что тоже хочу белое платье, колечко на палец и вальс. Ну и, разумеется, такую любовь.

До конца вечера, когда коллеги Германа в дорогих костюмах и подруги Полины с ярко-накрашенными губами хорошенько разогрелись от алкоголя и плывущей между пирамидами из бокалов любовной дымки – и наконец перемешались, я оставаться не стала.

Подошла к Полине попрощаться, когда Герман отвлекся на поздравления пожилых родственников. За весь день мы с ним перемолвились едва ли десятком фраз. Он по-прежнему казался мне чужим человеком, в чьем присутствии я робела,

поэтому я решила передать свои наилучшие пожелания через подругу и слинять без прощания.

– Спасибо тебе за такой «подарочек», – Полина обняла меня, и я удивилась, увидев, что ее глаза блестят от слез. – Гер – лучший мужчина в мире.

– Если невеста говорит на свадьбе что-то другое – дело плохо! – отшутилась я. – Но учти, после этого я избавлена от необходимости искать тебе другие подарки на праздники на следующие десять лет!

– Да хоть на всю жизнь! Все равно того стоит.

– Ты чего плачешь? – испугалась я, увидев, что стоящие в глазах слезы скатились по ее щекам, угрожая испортить свадебный макияж. – Поли-и-и-ина!

– Это гормоны, – отмахнулась она и, оглянувшись понизив голос, добавила: – Я беременна, Лан. Утром узнала. Гер еще не в курсе, будет ему вечером свадебный подарок с двумя полосочками.

– Ого! Уже! – я почувствовала, что скоро все неминуемо изменится, и мне стало немного жаль, что уходят беззаботные времена юности.

Полина была старше на пять лет, но ощущение «пора-пора!» вдруг захватило и меня тоже.

В тот момент и начала закручиваться та пружина, что так разрушительно выстрелила через десять лет, вновь безвозвратно изменив наши жизни.

Давно. Я не хотела этого!

Конечно, Герман настоял, чтобы Полина бросила работу.

Его скромный маленький банк оказался вовсе не таким уж маленьким – и стремительно рос, обзаводясь филиалами в разных городах и расширяя спектр услуг. Так что денег хватало, и Полине не было никакой необходимости вкалывать целый месяц за сумму, которую ее муж зарабатывал за час.

Казалось бы, мечта любой нормальной девушки: красавец-муж, желанная беременность, достаточно денег – и можно не вставать в семь утра, чтобы тащиться зимой по холоду и темноте на обрыдшую работу.

Полина была слишком умна, чтобы попасться в эту ловушку. Поэтому уволиться согласилась после долгих колебаний и только с условием, что Герман будет ежемесячно класть ей на личный счет сумму, равную средней зарплате на ее должности.

Герман ее удвоил и добровольно добавил обязательство помогать ее родителям.

Двое разумных людей всегда могут договориться, как утверждали классики.

После этой сделки мое уважение к Полине выросло до небес. Пожалуй, она единственная среди моих подруг, беззаботно отдававших доли добрачных квартир мужьям и рожавших третьих детей для «укрепления семьи» не смотрела на мир через розовые очки.

К сожалению, брать с нее пример не получалось. Затосковав по настоящей любви, я ввязалась в дикий, безумный роман со знаменитым рок-музыкантом.

Букеты роз, выброшенные в окно, осколки хрустальных бокалов под босыми ступнями, билборды на улицах с надписями «Мое сердце умирает без тебя», бегство среди ночи в наспех накинутом плаще, падение на колени перед машиной, кровавые потеки на белом кафеле гостиничной ванной – жизнь бурлила так, что иногда я опасалась свариться заживо в этом котле.

Я любила его так, что плакала ночи напролет, когда его не было рядом.

Он любил меня так, что сделал татуировку с моим именем на груди.

В общем, было как-то не до друзей с их спокойными мещанскими радостями.

У Полины тоже особо не было времени на чаепития с по-

другами – у новорожденной дочери обнаружились серьезные проблемы со здоровьем, и потребовались все связи и все деньги Германа, чтобы найти врачей, которые поставят правильный диагноз и подберут лечение.

Переписывались мы редко – очень уж у нас с были теперь разные проблемы. Но всегда находились где-то в поле зрения друг друга, и как-то так получилось, что именно к Полине я поехала в тот день, когда узнала, что мой рок-музыкант женат.

Я задыхалась от боли в груди, останавливалась в переходах метро, прислоняясь к стенке, чтобы рассеялась черная пелена перед глазами. Я отворачивалась от любопытных глаз к черному тоннелю, бежавшему за дверями с надписями «Не прислоняться», чтобы никто не мог видеть мое опухшее лицо и красный нос. Я выходила на промежуточных станциях на улицу, чтобы отдышаться и выкурить сигарету.

Равнодушная Москва дышала мне в лицо выхлопными газами гигантской пробки, в которой в тот вечер застрял город. Равнодушные буквы на экране телефона складывались в слова, которые протыкали сердце насквозь. Равнодушное небо сыпало холодным дождем в запрокинутое лицо.

Мой крик о помощи в «Фейсбуке» собрал горстку ком-

ментариев: «И слава богу, что все кончилось», «Ты что – не проверила его паспорт?», «Надо было пробить его в сети, не может быть, чтобы ты не догадывалась», «Так тебе и надо, шлюхе!»

Полина сразу написала в личку:

– Приезжай, у меня есть три бутылки брюта и хороший сыр.

– А как же дочка? – спросила я. – Режим вам не нарушу?

– С Марусей пока Гер побудет. Посидят в спальне тихо, как мышки. А мы обсудим твою беду – вдруг не все так плохо.

Сыр остался невостребованным.

В сдавленное спазмом горло протискивался только сигаретный дым и алкоголь.

На просторной кухне шумела вытяжка, работавшая и как вентиляция, и как шумовая завеса, чтобы до спальни не доносились мои рыдания.

Полина гладила меня по голове, а я первые полчаса просто плакала, захлебывалась своим горем, снова плакала и не находила ни единого повода жить дальше.

– Ты понимаешь, он даже не чувствовал себя виноватым! «Я люблю жену и разводиться не собираюсь, но ты просто огонь, как я мог устоять?» Представляешь? Представляешь?

– Представляю, – кивала Полина, подливая шампанского. – Хочешь ягод? Клубники или голубики?

– Не хочу... – я закуривала следующую сигарету, сморкалась в бумажную салфетку и продолжала изливать ей свою боль. – Меня чуть не вывернуло наизнанку, когда я узнала. За кого он вообще меня держит? Да я... Да для меня со школы чужие парни были существами бесполоыми совершенно! Просто не воспринимала их как потенциальных любовников! Даже потом, когда они уже расходились со своими девушками, я по привычке не могла переключиться!

– Лана... Бедный мой котик, – она гладила меня по руке. – Представляю, как тебе больно.

– Я не хотела этого! – орала я, осекалась и прикуривала следующую сигарету от предыдущей. – Мне не нужна вся эта грязь!

Я не могла остановиться и перестать жаловаться на одно и то же, одними и теми же словами, словно заезженная пластинка, которую некому переставить. Полина терпеливо слушала, не останавливая меня, лишь подливала шампанское в бокал.

Когда она вскинула голову и посмотрела мне за спину, я дернулась и осеклась.

Обернулась.

– Я на минутку, – сказал Герман. – Маруська есть захотела. Возьму пюре и уйду, – почему-то шепотом объяснил он. – Не обращайтесь на меня внимания.

Я впервые видела его без костюма, в домашних штанах, футболке и босиком. Тень отросшей к вечеру щетины очерчивала его твердый подбородок и строгую линию губ.

Так вот ты какой, Герман Панфилов, банкир и театрал, когда не закован в свою броню от «Бриони». Такой же обычный мужик, как и все остальные.

Разумеется, я молчала все то время, пока он копался в холодильнике и разогревал в микроволновке пюре с запахом детсадовской еды. Только курила, опустив глаза в стол, прикрыв лицо волосами, потому что мне снова было неловко в его присутствии, особенно из-за того, как я выглядела.

– Искупаешь сегодня Маруську? – спросила Полина. – Не хочу на нее перегаром дышать.

– Конечно. И уложу, – кивнул Герман. – Развлекайтесь и не стесняйтесь, у нас там мультики на полную громкость, почти ничего не слышно.

«Почти».

Я скорчила рожу, затягиваясь сигаретой и бросила ему вслед мрачный взгляд, невольно отметив, какая у него, ока-

зывается, крепкая подтянутая задница. А в костюме под пиджаком незаметно было.

ТЬфу ты!

Никогда не понимала, в чем прикол западать на мужские жопы. Спереди они гораздо интереснее. Но, видимо, когда мужик в одежде, это единственный выделяющийся параметр, который можно оценить.

Но тут организм меня удивил. Я тут вообще-то с ума схожу от боли, с чего вдруг новый интерес прорезался? Или это я оцениваю, насколько качественного самца сосватала подруге?

Вдруг это моя настоящее призвание? Тем более, что за время безумного романа я продолбала все дедлайны и хрен кто теперь мне подкинет работу.

– Какой он у тебя заботливый...

– Не жалеешь, что отдала его мне? – спросила Полина, дождавшись, пока хлопнет дверь спальни.

– Ну что ты! – я даже засмеялась от такого абсурдного предположения. – Видно же, что вы идеально подходите друг другу. А мне нужен кто-то совсем другой – такой же сумасшедший, как я... – вздохнула и тут же уточнила: – Только на этот раз без жены!

Давно. Хочу за него замуж

После того «рыдательного» вечера, мы с Полиной встречались все реже.

С одной стороны, у нас уже не было удобного повода в виде общей работы.

С другой...

Дела Германа очень быстро шли в гору, и я сначала в шутку, а потом уже почти всерьез говорила, что у меня есть подруга, которая замужем за олигархом.

У меня же было ровно наоборот: журналистика – это связи, а почти все связи порвались, пока я сходила с ума по своему рок-музыканту.

Приходилось писать какую-то ерунду в скучные профильные журналы про торговое оборудование и металлопрокат. Платили за них копейки, и мне все чаще приходилось выбирать между ужином с друзьями и продуктами на неделю.

Приходить в гости к Полине с самыми дешевыми пряниками к чаю было ужасно стыдно. Признаваться в том, что нет

денег – еще хуже.

Гордая нищета – это было про меня.

Поэтому встречались мы с ней редко, чаще всего в парке, где она гуляла с дочкой.

Но и без отягчающих обстоятельств наша дружба истончалась и таяла. Интересы расходились все дальше – она полностью погрузилась в материнство, а у меня на повестке дня было выживание.

Она видела, что мне неинтересно про цвет какашек и как здорово Маруська собирает пирамидку, а я опускала все подробности унижительных собеседований, после которых меня не брали даже копирайтером.

Так что мы просто молча гуляли по дорожкам парков и договаривались встретиться в следующий раз через пару месяцев. Кажется, нам обоим становилась в тягость наша дружба.

Хотя когда я познакомилась с Игорем, я не могла не поделиться с Полиной. Все-таки именно она утешала меня в самый страшный день моей жизни. Надо было ей как-то «компенсировать» вываленные на нее тяжелые чувства и показать, что все закончилось хэппи-эндом.

– Он очень умный! – щебетала я, сидя у нее на кухне и

светясь от счастья. – Очень! Инженер, кандидат наук, скоро защищается. Я таких умных мужчин не встречала никогда! И добрый. У него дома живут две кошки-подобрашки, одна без глаза, другая с диабетом, и он каждый день делает ей уколы, таскает их обеих в ветеринарку.

– Добрый – это самое главное, – Полина делала вид, что ее совсем не беспокоит, что Марусяка лупит пластмассовым поездом по железной стойке для обуви.

Это у меня от каждого удара глазик дергался. Но мы уже выяснили, что если ребенка не отвлечь, то ребенок придет к нам и будет пытаться утащить со стола оливки, колбасу, конфеты с ромом и прочие совершенно не детские вкусности.

– Хотя ты говорила, что хочешь такого же сумасшедшего, как ты? – вспомнила она, когда звуковая атака внезапно кончилась.

Мы с ней вместе настороженно наблюдали за ее дочерью, которая целенаправленно топала к подоконнику.

– Сумасшедшие как я – это очень больно, Поль... – сказала я рассеянно. – Бллллллин!

Ну что – ребенок нас обхитрил. Пока мы готовились оттащить ее от окна, она, демонстративно глядя в сторону, ухватила за край горшка с домашней пальмой и опроки-

нула его.

Этот горшок весил больше самой Маруси – уже было понятно, что ребенок получился неординарный и способный на многое.

Я в тот день даже не рассказала, что в первый раз, когда Игорь приехал ко мне в гости, он привез не букет цветов, а огромный пакет с едой, которой забил мой холодильник. Я стояла на кухне, растерянно глядя, как он пытается пристроить кусочек сыра хоть на какую-нибудь полку, а тот вываливается, и на моих глазах выступали слезы.

Единственная мысль, которая помещалась в моей голове, была: «Боже мой, хочу за него замуж!»

Давно. Я тебя недостойна

Игорь закрывал все мои дыры в сердце, словно он был огромным плюшевым мишкой, в которого можно поплакать, когда грустно.

Раньше я боялась звонить своим парням, когда те внезапно пропадали, чтобы не нарваться на раздраженную отповедь: «Ты за мной следишь?»

Игорь всегда предупреждал, если у него много дел и находил время, чтобы написать, даже если дела не отпускали его до глубокой ночи.

Бывало, что свидания со мной отменяли ради встреч с друзьями – Игорь делал ровно наоборот.

Когда его мама сказала, что я совершенно неподходящая партия – он жестко ответил, что сам выбирает, кого ему любить, и ей придется быть со мной вежливой, если она хочет и дальше с ним общаться.

Стоило мне пожаловаться, что квартирная хозяйка без предупреждения в полтора раза подняла плату, он сразу предложил переехать к нему. «Мы ведь и так постоянно вме-

сте, зачем тебе мотаться туда-сюда?»

Но бывая боль оказалась слишком сильной, так просто ее было не вылечить. И однажды, когда мы банально поругались из-за того, кто будет мыть посуду, и Игорь повысил на меня голос, я психанула, шарахнула самым большим блюдом об пол и отправилась собирать вещи.

Куда я собиралась идти? Понятия не имею. Главное – не куда, а откуда. Родительская однушка была тесновата для троих взрослых, но на пару ночей они бы меня приютили. А там уже можно было бы что-то найти.

Игорь, оставшийся на кухне подметать осколки, услышал, как грохнул об пол чемодан, который я с трудом стащила со шкафа, и примчался в спальню прямо с веником и совком в руках.

– Ты куда? – он бросил их на пол и перехватил мои руки, когда я попыталась отмахнуться от его объятий. – Лана? Ты чего придумала?

– Я не могу! —я так дернулась, чтобы освободиться, что снесла с тумбочки витражный ночник, разбившийся в мелкую крошку. Вырвалась и прямо босиком по этой крошке побежала вытаскивать свои вещи и кидать их в чемодан. – Я не могу, слышишь?

– Да что случилось-то? – он искренне не понимал.

– Послушай! Давай сразу решим! Я сломанная! Я никогда не смогу быть с тобой нормальной!

– Это все из-за немытых тарелок? – осторожно спросил Игорь.

Он оттеснил меня от осколков ночника, подобрал веник и стал замечать их в сторонку, потому что я металась от кровати, куда сбрасывала вещи, до шкафа, и мелкая стеклянная крошка налипала на босые ступни.

– Нет! Это из-за того, что ты такой хороший! Я тебя недостойна! – отрезала я.

Вещей у меня было не так уж много, и большую часть было не жалко бросить, особенно сейчас. Поэтому я просто захлопнула крышку чемодана и, всхлипывая, принялась застегивать молнию, которая резала пальцы и постоянно соскальзывала.

– Ланка... – он тогда впервые назвал меня так, и что-то тренькнуло в груди. – Ты хорошая. И достойная.

Я дернула чемодан, но не смогла поднять его, расплакалась и попыталась еще раз, а Игорь поймал меня и опрокинул на кровать.

Навис сверху, вытирая пальцами слезы, которые катились из глаз и щекотали виски.

– Ты самая лучшая, слышишь? Самая-самая. Может быть, где-то поломалась, но мы тебя обязательно починим.

– Нет... – плакала я. – Давай я уйду, а ты найдешь себе нормальную девушку!

– Мне никто кроме тебя не нужен, – твердо сказал он. – Мне не нужна нормальная. Нужна только ты.

– Ну да, конечно... все вы так говорите, а потом...

– Что потом?

Я не ответила, просто снова расплакалась и нелогично уткнулась в него.

Он осторожно поднял меня на руки и отнес в ванную, где усадил на бортик и как мог нежно принялся смывать со ступней стеклянную крошку.

Вот там, в ванной, весь облитый водой, он и сказал мне, сопливой и распухшей от слез:

– Лан, выходи за меня замуж.

– Нашел время... – пробормотала я.

– Самое правильное, – сказал Игорь. – Я тебя люблю и хочу, чтобы ты всегда была рядом. Пообещай мне, что никогда от меня не уйдешь, даже если тебе это покажется самым правильным? Что угодно делай – только не уходи от меня.

Я целовала его мокрыми губами и еще сильнее плакала от того, какой он невыносимо хороший. И всю ночь после того, как он заснул, гладила его волосы и думала, что не заслуживаю такого мужчину. И никогда не заслужу.

Давно. О чем ты мечтаешь?

С Игорем мне было хорошо.

Мы поженились, отправились в свадебное путешествие в Италию, где я снова обрела все свои сброшенные перед свадьбой лишние килограммы – и еще немножко сверху. Влюбилась в Неаполь, восхищалась Римом, плакала в Венеции. Вино, пицца, пирожные. Микеланджело, Рафаэль, Леонардо. Феллини, Антониони, Соррентино. Данте, Бокаччо, Петрарка.

В общем, с Италией и нашей свадьбой у меня начался новый этап в жизни.

Сначала я пыталась по старой привычке писать статьи о путешествиях, но потом поняла, что мне гораздо интереснее рассказывать живым людям о прекрасных местах, где я побывала, видеть, как загораются у них глаза и помогать построить маршрут так, чтобы увидеть как можно больше интересного.

В общем, неожиданно для себя, я стала турагентом.

– О чем ты мечтаешь? – спросил меня муж как-то раз после долгих поцелуев на парижском балкончике с видом на

Эйфелеву башню.

– Хочу сына. Такого же умного и доброго, как ты, – призналась я неожиданно, хотя еще мгновение назад об этом не думала. – Чтобы таких людей было больше.

– Ты сейчас сделала меня самым счастливым человеком на свете, – ответил он, глядя на меня сияющими глазами.

Я думала, что двадцать шесть – идеальный возраст для рождения детей, и проблем с этим не будет, но у детей были какие-то иные планы. Месяц за месяцем я видела всего одну полоску на тесте, и Игорь научился приходить домой с упаковкой пирожных или новыми духами, чтобы хоть как-то утешить меня.

Он и сам расстраивался не меньше, но держал все в себе, как подобает настоящему мужчине. Иногда взрывало и его – и тогда я снова дергалась в сторону чемодана и загса, но Игорь строго напоминал мне о моем обещании. И мы снова засыпали в обнимку, мечтая о том, что когда-нибудь у нас будет настоящая семья – с детьми.

– Если в этом году не получится, значит – не получится никогда, – сказала я в день своего двадцатидевятилетия. – Значит, я и правда бракованная женщина.

На следующий день Игорь посадил меня в машину и отвез в репродуктивную клинику.

Через год у нас было двое крикливых мальчишек, похожих друг на друга и на Игоря как горошинки в стручке.

«Женщина-ксерокс» – вот как он меня называл.

Как только Макару с Никитой исполнился год, мы снова стали путешествовать. Иногда с ними, показывая чудеса света еще ничего не понимающим малышам – но я надеялась, что природа Крита, небоскребы Нью-Йорка и древние стены Иерусалима отложатся в их памяти, станут глубокой и надежной базой для веры в чудеса. Иногда – только вдвоем, оставляя сыновей на няню.

А потом я решилась – и открыла свое турагентство. Маленькое уютное местечко, где можно поболтать о любимых городах, выпить чаю – и выбрать новый маршрут для очередного путешествия.

Кстати, первым его клиентом стала Полина.

К тому времени мы общались с ней совсем редко, раза три в год от силы, но я похвасталась своей «новой игрушкой», как называл мое турагентство Игорь, и она позвонила мне:

– А можешь придумать мне путешествие туда, где будет красиво, вкусно и я смогу забыть о реальности хотя бы на неделю.

– Ты хочешь совсем одна? – осторожно спросила я. – Или с мужем? С дочкой?

– Совсем. Хотя нет – я бы поехала с кем-нибудь, с кем не нужно обсуждать школьные поборы, уроки, то, как я неправильно воспитываю дочь и что в моем возрасте надо прилагать усилия, чтобы держать себя в форме.

– У меня есть одна идея...

Так мы с ней оказались в маленькой греческой деревушке с белыми домиками, пестрыми цветущими кустами вдоль дорог и невероятно вкусной едой.

Утром я уезжала по своим делам, а Полина спала до полудня, во второй половине дня мы шли к морю, а вечером сидели в саду, пили просекко и болтали о чем угодно – кроме детей и мужей.

– С тобой так легко, – сказала она как-то раз. – Вроде видимся редко, но каждый раз как будто с полуслова продолжаем прерванный разговор.

– Та же фигня, Джульетта! – засмеялась я. – И вроде с новыми знакомыми у меня больше общих интересов, но с тобой до пяти утра не можем заткнуться.

– Выпьем за дружбу! – она потянулась чокнуться бокалом.

– Выпьем!

Но когда мы вернулись домой – снова никак не могли найти время, чтобы пересечься.

Германа я видела еще реже.

Если бы я задалась целью сосчитать наши встречи – то на все десять лет хватило бы пальцев одной руки. Кивнул в аэропорту, забирая Полину, обсудили затяжной дождь, когда я забежала за ней, чтобы пройтись по магазинам, да махнул рукой, выруливая из подземного гаража и оставляя нас поболтать у нее дома без лишних ушей.

О нашем знакомстве мы больше не вспоминали – он стал для меня таким же, как мужья остальных моих подруг, с которыми меня познакомили мимоходом.

Но я никогда особенно и не любила общаться с ними – мне все время казалось, что эти роскошные женщины могли бы найти себе супругов и получше.

Холодный Герман, по словам Полины, целыми днями пропадавший в своем банке и работавший до середины ночи дома, исключением не был.

Все шло спокойно – обычная жизнь взрослых людей между тридцатью и сорока – семья, дети, работа, ипотека – да редкие загулы, больше воспоминание о молодости, чем настоящий отрыв.

Пока однажды ранней осенью я не столкнулась с Германом прямо рядом у дверей моего турагентства.

Сейчас. Мы не должны

Поцелуи Германа – это наркотик.

Любые его прикосновения – это наркотик.

Пока мы просто разговариваем, пока мы стоим на расстоянии друг от друга – мы можем вести себя как нормальные цивилизованные люди.

Но стоит нашей коже соприкоснуться, губам дотронуться до губ – не говоря уж обо всем остальном – как наша кожа словно вступает в химическую реакцию, рождая новое вещество, взрывающее все органы чувств сразу. От него и больно, и сладко, и жарко, и громко, и легко, и ярко, и тянет, неумолимо тянет друг к другу, чтобы получить его еще, еще, еще, потому что зависимость возникает мгновенно, а ломка – так страшна, что лучше умереть, чем знать, что никогда больше не испытаешь этого взрыва.

Но я проявляю просто бешеную силу воли, упираясь ладонями в грудь Германа и отодвигая его от себя, хотя каждая клетка тела вопит от желания слиться с ним.

Задыхаясь, глотаю сухой воздух офиса и хочу обратно в

его дыхание.

Туда, где я принадлежу ему, а он мне.

Только туда.

Он стискивает сильными пальцами мои запястья, отводит руки от своей груди и вжимается в меня, протестуя против моего отстранения.

– Мы не должны... – я отрываюсь от его губ, смотрю в очень близкие и очень темные глаза и шепчу что-то до кислого привкуса во рту банальное: – Мы не должны...

– Должны.

Что он имеет в виду – я не знаю.

В его глазах – вселенная тьмы. Живая опасная движущаяся темнота, которая забирает меня к себе. Мир схлопывается до крошечного пятка на ковре, до круга белого света от настольной лампы.

Мной овладевает безумное искушение поверить этому ощущению. Поверить тому, что там, за пределами света и прикосновений – и вправду больше ничего и никого.

Но я знаю, чем это кончится.

Задыхаясь, отстраняюсь от него, касаюсь виском виска.

Его пальцы, сжимающие запястья наручниками, стискиваются еще чуть сильнее. Это уже больно, это может закон-

читься синяками, но мне хочется, чтобы он сжал их еще.

Сжал, накрыл своей тяжестью, не дал вырваться. Присвоил и не отпустил.

– Ты сейчас поедешь домой, – роняю слова в темноту, трусь о его висок. – Тебе надо будет как-то все объяснять. Не лучшее время, чтобы пахнуть... мной.

Пальцы медленно разжимаются, оставляя меня с таким острым чувством покинутости, что хочется кричать в голос.

– Ты права, – говорит Герман в голос, и после нашего шепота, звук взрывает сжавшийся в одну точку мир.

Меня отстраняют, мимолетно коснувшись талии.

В кабинете загорается яркий свет, Герман проходит мимо стола, бросая взгляд на телефон на нем и садится в широкое кожаное кресло у окна, кивая мне на соседнее. Оно на безопасном расстоянии – между ними столик с подносом, на котором стоят чашки из тонкого фарфора с цветочным рисунком, вытянутый в высоту чайник с изящной ручкой, трехъярусная подставка для пирожных. Сахарница с щипцами, бликующие серебристые ложечки.

И композиция из белых орхидей с красной сердцевинкой. У него в офисе всегда стоят орхидеи.

Теперь я знаю, кто придумал их с Полиной свадьбу.

Я сажусь в другое кресло, надеясь, что мы сможем поговорить спокойно – но очень хорошо помню, как разлетаются осколки чашек, размазываются по ковру пирожные и отчаянно пахнут умирающей травой сломанные орхидеи.

Между нами не бывает безопасного расстояния.

– Что она увидела? Какое сообщение? – пальцы Германа сплетены в замок, обнимают колено закинутой на ногу ноги, и я смотрю на его руки и не могу оторваться – как всегда. Он не носит обручальное кольцо, вообще не носит никаких украшений – только дорогие часы и строгие запонки.

– Не знаю, – качаю я головой, глядя только на его пальцы. – Какое-то невинное, но все равно подозрительное.

– И все? Только его?

– Открыла весь диалог и прочитала дальше.

– И поняла.

– Да.

Чувствую себя виноватой, словно это я позволила себе лишнее, и потому наша тайна раскрыта. Хотя именно я настояла, что буду общаться с ним только с пустой страницы, где закрыт профиль и нет никаких данных. Ни фотографий, ни музыки, ни статусов, по которым внимательный и достаточно умный человек смог бы рассказать нашу историю с начала до конца.

Но ведь это мое сообщение разбудило той ночью Полину.

Хотя если бы кто-то брал телефон с собой в кабинет, ничего бы не случилось!

Я ругаюсь сама с собой в голове, участие Германа мне для этого не нужно.

Он никогда не выясняет, кто виноват, он всегда начинает решать проблему с этапа «что делать».

И мне сейчас очень страшно.

Потому что я понятия не имею, что он будет делать.

– Бросишь меня? – спрашиваю сама, чтобы не тянуть больше время и сразу услышать приговор. – Снова?

Тогда. И что ты предлагаешь?

В детстве я любила лето. Яркое теплое лето – каникулы у бабушки, доедаешь свою кашу, засовываешь в карман бутерброд с сыром и уматываешь на целый день с такими же балбесами. На речку, в лес, в поля. На родник за рощей, в заброшенный пионерский лагерь в сосновом бору или на нашу «тайную поляну», где ближе к вечеру и съедаешь помятый бутерброд, пока в костре запекается картошка.

Когда школа закончилась, а на вопрос об отпуске начальство стало отвечать «в гробу отдохнешь», я стала любить весну. Сумасшедший взрыв чувств, пробуждение после зимнего оцепенения – в унисон с природой. У нее журчат ручьи – у тебя в голове бедлам, у нее повылазили из травы белые и фиолетовые крокусы и желтые одуванчики – и у тебя яркие платья, у нее орут ночами коты – и у тебя свидание за свиданием, вечеринки и танцы, наполняющие силами, которых хватает на всю рабочую неделю.

После тридцати, с появлением семьи и надежной работы, я полюбила спокойную тихую осень. Сентябрь-октябрь – золотые листья, мерный шум дождя, под который так сладко засыпать в обнимку с Игорем, завтраки на светлой кухне,

когда все в сборе. И есть время и силы, чтобы приготовить мужу яичницу с беконом и жареными помидорами, Никите блинчики, Макару вафли, себе – овсянку с голубикой.

Разумеется, дети тут же обменялись едой, потому что успели передумать за то время, что я готовила, но я научилась относиться к этому философски. Лишь бы мою голубику не отнимали. Но они пока довольствовались бананами и шоколадной пастой.

– Игореш, я в воскресенье поеду с девчонками отвозить корм в приют, ты с разбойниками побудешь или няню вызывать? – поинтересовалась я у мужа, как обычно, уткнувшись с утра в планшет.

– Угу, – невпопад ответил он, но тут же включился: – Кто вас повезет?

– Андрей.

– Какой Андрей? – строго сдвинул брови, изображая ревнивого мавра. Даже планшет отложил. Макар с Никитой захихикали и во все глаза уставились на папу – что он еще отколет?

Я не могла не подыграть:

– Такой... Андрей. Высокий светловолосый богатырь!

– Мам, а разве богатырей зовут Андреем? – голосом «попалась, мамочка!» спросил Макар.

– Да, мам, богатырь это Алеша Попович! – добавил Никита.

– Или Добр-р-р-рыня Никитич! – не забыл козырнуть свежедобытой у логопеда четкой «р» Макар.

– Или...

– Машкин муж, – уточнила я, пока дети не вспомнили, что бывают тридцать три богатыря и не стали выяснять, как их всех зовут. – Ты же отказался.

– Я не отказывался, – буркнул Игорь. – Отвезу. Его колымага опыть застрянет там.

– Спасибо, я рада. Даже если ты будешь делать это с таким лицом! – Просияла я, встала, чмокнула его в щеку и принялась собирать тарелки. – Разбойники, марш одеваться!

– С каким лицом? Опять вашей тухлятиной вся машина провоняет... – Игорь глянул на часы и начал уничтожать яичницу в ускоренном темпе. – Вот на кой тебе эти бездомные псины, Лан?

– Если не я, то кто, – пожала я плечами, складывая в посудомойку тарелки. – Мы это уже обсуждали. У тебя хобби – покатушки твои, у меня – собаки.

– Это не хобби, это сублимация. Ты не заметила, что у тебя там среди волонтерок одни бабы?

– Игорь! – я резко обернулась, попытавшись метнуть взглядом молнию.

Но как всегда – не вышло. Он поднял ладони вверх, сдаваясь, и проворчал:

– Женщины, женщины... Какая разница. Вы занимаетесь

своими псынами вместо того, что вам на самом деле нужно – детей.

– Слушай, за кого я замуж выходила? – удивилась я. – Ты же сам наших котов из подвала притащил?

– Потому и говорю, что точно знаю, – сказал Игорь. – С тех пор, как у меня появились дети – желание спасти всех подряд пропало.

– И что ты предлагаешь? – спросила я, снова отворачиваясь к раковине и протирая и без того чистую плиту. – Ты же знаешь с каким трудом у нас получились Макар с Никитой. Проходить еще раз через это... Нет. Да и вообще – если все будут рожать, кто будет помогать зверям? Людей и так восемь миллиардов вообще.

– И некоторые из них живут в детдомах, – мягко сказал Игорь, неслышно подходя ко мне и обнимая за плечи. – Этим маленьким людям тоже нужны родители.

– Ты предлагаешь... усыновить? – уточнила я, разворачиваясь в объятиях и встречая его взгляд.

– Удочерить. – Игорь оставил легкий поцелуй в уголке моих губ. – Хочу дочку.

– Я... подумаю, – вздохнула я. – Но пока...

– Да отвезу вас, отвезу, – закатил он глаза. – И разбойников давай сам в детский сад отвезу. Сегодня их Зоя забирает?

– Да, у меня на работе завал.

Я честно обещала себе подумать о его предложении. И да-

же помнила об этом, пока ехала на работу – к счастью, от дома до развлекательного центра, где располагалось мое агентство, было всего несколько остановок на метро по нашей ветке.

Но когда вошла в крутящиеся двери – мысли о приемной дочке вылетели у меня из головы напрочь.

Тогда. Осторожнее

В атриуме развлекательного центра собралась огромная толпа народу, играла громкая музыка, ввысь вместе с фонтанами взмывали воздушные шары. ТРЦ у нас новенький, то и дело кто-нибудь открывает в нем свой магазин и проводит вот такую шумную презентацию. Иногда даже с концертом или лотереей халявы, раскидывая рекламу по почтовым ящикам окружающих домов.

Я была только рада – мое турагентство открылось тут одним из первых, на витринах висели самые сочные и новые предложения, так что из набегающих толп народа обязательно кто-нибудь оставался полюбопытствовать, правда ли можно слетать в Бразилию за такие смешные деньги.

Правда!

Места надо знать и не бояться трудностей!

Убедившись, что мы не врем в рекламе, залетные птички могли взять и какой-нибудь более комфортный тур, без трех пересадок – за совсем другие, разумеется, деньги.

Обычно мы знакомились с новичками еще до открытия их

магазинов, когда они бегали с выпученными глазами и пытались успеть к назначенному сроку и бесконечно переспрашивали, где у нас тут туалет, администрация, хороший кофе и достаточно крепкий крюк в потолке – веревка у них с собой.

Но эти заняли половину третьего этажа, перегородили там все щитами и таинственно жужжали и шуршали, никак не выдавая, кто же там откроется такой красивый. А зря! Нам же было любопытно.

Хорошие соседи – это всегда радость. Мы с Натали из цветочного прямо рядом с моим агентством подружились в первый же день. С Маринкой из парфбута сцелялись языками каждый раз не меньше, чем на пару часов, а хозяин кофейни на другой стороне от фонтана иногда угощал нас кофе. Когда у него было хорошее настроение.

Я слышала первые аккорды какой-то зажигательной по-псы и поняла, что про концерт угадала. Что ж... у меня два варианта – либо срезать через фонтан, либо...

Завернув за угол и нырнув в неприметную дверку с техническим номером, я оказалась на нашем втором этаже кратчайшим путем, миновав толпы народу. Вышла из такой же неприметной дверки прямо рядом со своим офисом и, заметив у Натали среди цветочков воздушные шары той же рас-

цветки, что украшали атриум, любопытствовала:

– Знаешь уже, кто там заехал?

– Да банк какой-то, – отмахнулась она. – Сразу попытались впарить кредит. Ушлые такие.

– Банк?.. – разочарованно покачала я головой. – Скучно. Вот был бы боулинг или квест-комната...

Натали пожала плечами и протянула мне один из двух голубовато-серебристых шариков.

Я не отказалась – шарик удачно вписывался в наш интерьер.

Помощница моя по имени Тина еще не пришла на работу, но я ее так рано и не ждала. Она – глубокая сова, поэтому обычно ей достается заирать агентство. Но пока ее не было, я решила сбежать за кофе.

– Мне черный, Тине капучино с банановым сиропом, – попросила я баристу, который молча понимающе кивнул и даже выложил нам сверху по печеньке с карамелью.

Я поблагодарила его улыбкой и поспешила обратно к себе – снизу уже поднимались люди с шариками, по главной лестнице шла толпа народу. Хотелось проскочить до тех пор, как нахлынет основная волна, и встретить в агентстве тех, кто от нее отколетя – но не получилось. Заметив во главе

толпы владельца нашего развлекательного центра, я так на него засмотрелась, что чуть не налетела на совсем мелкую, лет пяти, девочку.

Ойкнула, пытаюсь удержать равновесие и не опрокинуть на нее стаканчики с горячим кофе – но тут чья-то крепкая рука удержала мой локоть. Темноволосый мужчина в деловом костюме успел подхватить и девочку, и меня, и умудрился как-то развести нас в стороны так, что даже кофе не расплескался.

– Спасибо... – пробормотала я, глядя, как он передает девочку ее матери, а сам возвращается к владельцу ТРЦ, с которым вместе и поднимался. Что-то в этом мужчине было неуловимо знакомое, но я тормозила до упора, пока он уже не прошел мимо. Только тогда спохватилась: – Герман? Привет!

Герман обернулся, нахмурил лоб, тоже явно не узнавая меня, а потом что-то мелькнуло в его темных глазах:

– Лана. Не знал, что ты здесь работаешь, – он коротко кивнул. – Осторожнее. Всего хорошего.

И вернулся к разговору с владельцем.

Да уж. Осторожнее.

Если б я знала, во что выльется эта случайная встреча, я бы уже на следующий день продала свое агентство, переехала в Сибирь и удочерила двух... нет, трех девочек разного возраста.

И жила бы спокойно до конца своих дней.

Сейчас. Поставить точку

Герман молчит, и это молчание каждым своим мгновением разрывает меня в клочья.

– Снова бежишь? – спрашиваю, пытаюсь прорваться сквозь его молчание к ответу.

К любому ответу.

Его пальцы сплетены на колене, он смотрит на меня непроницаемым взглядом.

Ненавижу это мужское молчание! Когда вопрос задан, вопрос услышан, но вместо ответа – тишина. То ли – догадайся, мол, сама. То ли – не хочу отвечать. То ли... Не знаю. У меня никогда этот фокус не получался, хотя я много раз пыталась.

Вскакиваю с кресла, задыхаюсь в холоде кондиционера, дохожу до стола, разворачиваюсь, опираясь на него.

– Трусись? – брезгливо кривя губы, спрашиваю Германа. – Снова трусись? Ты ни одного решения не принял сам! Все только я, опять я, снова я! Я в тебя влюбилась, я тебя соблазнила, я разлучница, я изменница, я подлая тварь! Ви-

дишь? Я не отрицаю! А ты просто прогнулся под меня, снизошел, согласился! Слабак Герман! Только притворяешься ледяным бизнесменом, а сам в душе – тряпка! Если б тебя видели твои партнеры! Как тебя увели, как телка на веревочке!

Я накручиваю сама себя, разгоняю страх и обиду до ярости. Хочу уязвить его, сделать так же больно, как он делает мне своим молчанием.

Глаза его с каждым моим словом становятся все чернее и холоднее, словно в ледяной пустоте космоса наступает вечная зима.

Герман молча смотрит на меня – и вроде бы внешне ничего не меняется, но я чувствую, как напрягается каждая мышца его тела, каменеет. Если сейчас до него дотронуться – на ощупь он будет как мраморная статуя. Твердый. Жесткий. Холодный.

Но я слишком хорошо успела его узнать.

Чем тверже оболочка, тем яростнее пожар внутри.

– Что ж... – постукиваю длинными ногтями по столу и вижу, как его передергивает от этого звука. – Помнишь, однажды ты сказал, что все это – только секс? Помнишь?

– Помню.

– Ты приехал тогда. Ты приехал ко мне домой, хотя я не пошла на работу, чтобы не видеть тебя! Ты все равно приехал!

– Поставить точку.

Я не спрашивала – зачем. Вообще-то я совсем о другом спрашивала, но на тот вопрос он так и не ответил.

В его низком голосе змеятся трещины хрипотцы. Они разбегаются в стороны, обнажая в разломах пылающий огонь.

– Поставил точку, да? – передразниваю его. – Три часа прощался, чуть кровать не сломал. Супружескую мою кровать – это твою совесть не смущало! Ты был просто животным, бешеным зверем, я тебя даже боялась. А потом ушел в душ – и вернулся уже человеком. Сказал, что теперь точно уходишь навсегда. Все так делают, да? Все приличные люди.

Он снова молчит.

Я бы тоже замолчала, если бы могла.

Что на это ответить?

– А знаешь, что было потом? Думаешь, я закрыла за тобой дверь и пошла готовить ужин? Или созваниваться с бухгалтером, чтобы обсудить налоги? Все же понятно – навсегда так навсегда! Встала, отряхнулась, забыла!

– Что было потом? – спрашивает он.

Неужели ему и правда интересно?

Внезапно я понимаю, что не хочу ему говорить.

Не хочу рассказывать, что было тем страшным вечером.

Как я собрала измятые простыни и спрятала в дальний ящик гардероба от домработницы. Чтобы иногда, когда больше никого нет дома, доставать их оттуда и вдыхать наш запах.

Его.

Как меня выламывало физической болью в мышцах, в костях, пока я курила первую за десять лет сигарету, которую стрельнула у соседа по этажу.

Как на следующий день я смотрела на телефон – в девять утра Герман всегда звонил мне из машины, каждое утро, просто чтобы сказать привет – и знала, что теперь он больше НИКОГДА не позвонит.

У меня на него стояла особенная мелодия. Только на него.

Я ее поставила давно, когда еще не знала, как часто он будет мне звонить.

И потом, каждый раз, как я слышала ее на звонке, внутри меня что-то умирало от пронзительного горячего счастья – он все-таки со мной.

Теперь я знала – больше я ее не услышу.

Но слышала.

– Потом ты снова сдался, слабак! – выплевываю я боль, обернутую в злость.

Я подскакиваю к креслу так быстро, что Герман не успевает среагировать.

Только отшатывается, когда я наклоняюсь к нему.

Слишком близко.

Говорю тихо и очень спокойно:

– И сейчас сдашься. Потому что я тебя не отпущу. Ни вообще, ни сейчас. Просто никуда не отпущу.

Упираюсь ладонями в его плечи, наклоняюсь все ниже, вдыхая его запах – розмарина, холодного моря, мшистых камней. Запах, который будет преследовать меня даже в аду, куда я попаду за все, что сделала.

– В такие моменты... – говорит он медленно и прямо мне в губы, глядя в глаза пронзительным черным взглядом. – Я начинаю верить, что ты меня действительно любишь.

Тогда. А чего кольцо не носит?

Германа с момента нашего столкновения на открытии банка я видела еще несколько раз, когда поднималась на третий этаж, в администрацию ТРЦ.

Он постоянно был занят: что-то с кем-то обсуждал, листал толстые стопки бумаг, разговаривал по телефону, поэтому я даже не здоровалась. Он меня все равно не замечал.

Над вывеской его банка появилась надпись «Головной офис», и на входе посетителей теперь встречали исключительно высоченные блондинки скандинавского вида, от которых сложно было оторвать взгляд – настолько они были совершенны и холодны, словно клонированные Снежные Королевы.

В таких условиях подходить поздороваться было еще более неуместно, поэтому я каждый раз пробегала мимо, пряча глаза, разрываемая сразу двумя социальными неловкостями: поздороваться и помешать, или не здороваться и чувствовать себя невежливой.

Между этим небожителем в дорогом костюме и мрамор-

ных интервьюерах и Германом в домашних штанах и заляпанной детским пюре футболке была гигантская пропасть.

Преодолевать ее не тянуло.

Изменилось это в один не самый прекрасный день, когда я волоклась на очередное собрание арендаторов в компании Натали, Маринки и своих детей.

Няня закинула Никиту с Макаром мне на работу – ей надо было к врачу. Я пообещала им, что мы поедем мороженого в пузырчатых вафлях и поедем домой на такси, если они будут вести себя хорошо до конца рабочего дня.

Оставалось совсем немного, я уже закрывала агентство, когда прибежал гонец от администрации и строго велел всем с этажа пройти в офис для обсуждения вывоза мусора.

Маринка с Натали тоже с мрачным видом запирали свои магазинчики, и я обрадовалась – втроем моих неугомонных детей ловить будет проще.

Германа я заметила в длинном коридоре, ведущем к двери с надписью «Вход только для сотрудников торгово-развлекательного центра». Он выхаживал по нему взад-вперед и о чем-то разговаривал по телефону. По-немецки.

– Ого, какой мужик породистый! – восхитилась Маринка

вполголоса. – Это откуда такие красивые дяденьки к нам за-
летели?

В этот момент «красивый дяденька» оторвался от разгово-
ра, заметил нашу процессию и кивнул мне:

– Привет, Лана!

Маринка яростно пихнула меня в бок.

С другой стороны меня в бок не менее яростно пихнула
Натали.

– Привет, Гер, – кивнула я, натянуто улыбаясь с отбитой
печенью и селезенкой.

Мои прекрасные дети, которым я с младенчества вдалб-
ливала, что надо здороваться с теми, с кем здороваются ма-
ма, выбрали именно этот момент, чтобы внезапно продемон-
стрировать результаты дрессировки, и рванули к Герману с
воплями:

– Здравствуйте! Здравствуйте! Как поживаете?!

Мне захотелось провалиться под землю.

Воспитание – это самая неблагодарная работа на свете.

Герман повернулся к ним, дергающим его за рукава и по-
лы пиджака и удивленно поднял брови.

– Разбойники! Быстро ко мне! – скомандовала я.

А вот этот фокус сейчас не сработал.

Макар и Никита уже потеряли интерес к Герману, зато заметили на стене очень красивую стеклянную витрину с огнетушителем и топором и начали громко строить планы, как их оттуда добыть.

– Так, дети! – я рванула к ним. Витрина – не сейф, а сейф они однажды уже взламывали. Папин. В четыре года. – Мы сейчас пойдем в очень важное место! Там надо вести себя очень-очень тихо. Сидеть смирно и ничего не трогать. Хотя бы минут десять.

– А десять минут – это много? – Макар попытался сосчитать на пальцах, даже дошел до девятого, но сбился.

– Много! – закричал Никита, мгновенно забывший про «очень тихо».

– Идите пока, я сейчас догоню, – бросила я Маринке с Натальи, и они, тайком стреляя взглядами в Германа, скрылись за дверью администрации.

– Мам, а достань топор, – предложил мне Макар. – Мы тогда с ним тихо посидим.

– Чур, он будет у меня! – тут же внес предложение Никита, и сыновья тут же загалдели как чайки, выясняя, кому будет принадлежать топор, который я, без всяких сомнений, немедленно им добуду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.